

ВОДЯНОЙ В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНА СИЛЕЗИЯ)

© 2019 г. Андреа Балгарова

Магистр, Остравский университет

E-mail: andrea.balharova@seznam.cz

Статья написана при поддержке проекта SGS01/FF/2018 Vybrané žánrové a subžánrové protěny v současné české literatuře II. («Избранные жанровые и поджанровые преобразования в современной чешской литературе II»).

В статье внимание сконцентрировано на водном демоне-водяном и его образе в основном в регионе Верхняя Силезия. Рассмотрены места, время, а также виды деятельности водяного. Материал взят из фольклорных и литературных источников.

The article concentrates on the water spirit, or hashrman, and his image mainly in the region of Upper Silesia. It considers the places, time and activities of hashrman. Materials come from folklore and literary sources.

Ключевые слова: водный демон, водяной, Верхняя Силезия, устный фольклор, литература для детей и юношества.

Keywords: water sprite, hashrman, Upper Silesia, verbal folk, children's and youth literature.

DOI: 10.31857/S0869544X0006760-9

Одним из наиболее часто встречающихся водных демонов в чешском фольклоре является водяной. В 2018 г. в пражском издательстве Academia вышла в свет книга Павла Шидака «Мокрый след на сухом месте. Водяной в чешской литературе» [1]. В ней он подробно описывает литературный образ водяного, однако не рассматривает жанр детской литературы, являющийся ее важным коммуникационным и функциональным разделом. Кроме того, в книге отсутствуют примеры текстов из чешской Силезии. Основываясь на мнении ведущих чешских фольклористов, таких как Ольдржих Сироватка и Марта Шрамкова, я считаю литературную обработку региональных сказок и легенд настолько значимой, что уделю ей более пристальное внимание.

В статье я сосредоточу внимание на регионе Верхняя Силезия, поэтому выбор литературных текстов для детей и юношества, а также фольклорных источников будет ограничен данной областью. Поскольку Верхняя Силезия расположена как на чешской, так и на польской территории, меня будут интересовать

также источники по польскому фольклору и литературе. Образ водяного распространен по всей Чехии, и на него, кроме польской, заметно повлияла также немецкая культура. М. Шрамкова, чье творчество связано с г. Глучином (район Опава, Моравско-Силезский край), использует в своих исследованиях как чешские, так и польские и немецкие источники. Немецкое влияние ощущается и в Южной Чехии.

Материалом для статьи послужили печатные издания, а также рукописные источники, хранящиеся в Силезском земском музее в Опаве («Мемориальный музей Петра Безруча в г. Опаве»).

Кто (или что) является водяным?

На этот вопрос можно ответить, как отмечает П. Шидак, двумя способами. Водяного можно воспринимать либо в религиозном контексте как божество воды, либо в контексте мифологических представлений как духа воды, водного демона. Мое восприятие водяного обусловлено демонологическими представлениями, то есть я считаю его духом воды¹.

Водяной в контексте демонологических представлений обособлен от воды как стихии и не является всего лишь ее пассивным олицетворением, а становится конкретным существом, которое обладает характерной внешностью, привычками, а в некоторых случаях также именами (Иван, Куба, Михал и др.). В создании образа такого водяного также участвуют христианские представления о дьяволе. Христианство отождествляет его с языческим божеством и проецирует на него соответствующие черты.

Что касается сюжетного материала, связанного с водяными, то демонологическая традиция в данном случае очень богата (как с точки зрения мотивной структуры, так и вариативности текстов, а также степени их распространения), и это богатство продолжает развивать авторская литература (на что указывает и П. Шидак, см. [1. S. 29–30]).

Происхождение водяного

П. Шидак является сторонником теории, что водяной — характерный чешский персонаж и указывает на то, что в чешских землях почти каждый водоем имеет своего водяного. Тем не менее, по его мнению, этот факт еще не является доказательством чешского происхождения данного персонажа славянской демонологии. Поэтому он сравнивает образы водяного и водных духов других народов. Шидак замечает, что водяной как мужской персонаж (каким мы его знаем в чешской культуре) известен преимущественно у восточных и западных славян, особенно у поляков и лужичан, а у южных славян его знают только в Словении². Внешность этих персонажей может значительно варьировать, тем не менее они имеют общие черты³.

Образ водяного в Польше очень схож с образом его чешского «коллеги» (он носит костюм того же цвета, с которого течет вода; аналогична и частота сюжетов о водяном в чешском фольклоре). Однако если чешский водяной изначально был демоном стихии, то польский генетически представляет собой душу

¹ П. Шидак, однако, обращает внимание также на факт, что водяной в дохристианское время воспринимался как персонификация водной стихии и позже как одно из славянских языческих божеств (см. [1. S. 18–28]).

² Шидак здесь ссылается на Зденека Ваню [2. S. 114]. См. также публикацию Моники Кропей [3].

³ О соотношении водяного с лошадью и о его схожести с чертом см. [1. S. 40, 53–58].

утопленника или самоубийцы⁴. Вместе с тем водяной характерен не для всей Польши, а только для Силезии и района Кракова, т.е. для территорий, которые географически и, в определенные исторические периоды, политически были связаны с чешскими землями.

Немецкие представления и рассказы о водяном чаще всего появляются на германо-славянском пограничье, так же, как и в Австрии, где водяной известен в районах, прилегающих к чешским землям.

Исконность чешского водяного подтверждается П. Шидаком, с одной стороны, ссылкой на Карела Дворжака, который на основании сравнения вариантов баллад о подменыше отмечает, что демоном, который подменивает человеческого ребенка своим, в чешских землях является, помимо лесной «дикой женщины», именно водяной; с другой стороны, этнографическими данными: у эмигрантов в Техасе, которые переселились в Америку в XIX в., водяной еще в первой половине XX в. был самым распространенным демоническим существом [1. S. 42].

В ином ракурсе смотрит на происхождение водяного Дорота Симонидес. Как и П. Шидак, она придерживается мнения, что этот персонаж имеет славянское происхождение и считает Силезию ключевым — в смысле происхождения водяного — регионом, в котором обильно представлены повествования об этом персонаже, однако она склоняется к мнению, что водяной — польский персонаж, и доказывает это путем сравнения польских и немецких рассказов о водяном. Сравнение показало, что рассказы о водяном в Силезии были известны в основном польскому населению, и, кроме того, их немецкие варианты, в отличие от польских, не так выразительны. Д. Симонидес, как и П. Шидак, указывает на то, что о водяном рассказывают в каждой деревне в Силезии (в данном случае имеется в виду — в каждой польскоговорящей), особенно в крае прудов Пышчине⁵ [5. S. 75].

Хотя эти две теории расходятся в отношении вопроса происхождения образа водяного (чешский или польский персонаж), они сходятся в том, что водяной весьма выразителен преимущественно у западных славян, особенно в Силезии, откуда его заимствовали немцы. Дагмар Климова также называет Силезию возможным центром европейской традиции представлений об этом загадочном персонаже [6. С. 140].

Водяной как персонаж во времени и пространстве

Водяной связан с водоемами, и, как говорилось выше, в регионах, где их нет, практически отсутствуют и рассказы о нем. Естественно, что водяному в этих регионах с течением времени приписывалась власть над любым количеством воды (он получает силу всего лишь от одной капли воды; он способен утопить человека в луже). Кроме того, в фольклорных текстах о водяном речь идет в основном о сельской среде; в городе он «появляется» реже и в основном лишь в текстах художественной литературы (мы не имеем в виду литературу для детей и юношества). Как правило, водяной вступает в противоборство с человеком возле воды. Он часто живет в реке у мельницы, появляется у моста или у дамбы.

Власть водяного проявляется обычно с весны до осени. В это время он чаще всего встречается с людьми (посещает пастухов, пускается с ними в разговоры у костра, ходит к девушкам, жнущим траву, и к людям, работающим в поле).

⁴ На что указывает само название *utopiec* или *topielec*, см. *Kapeliś H.* — «utopiec» [4. S. 416–417].

⁵ Часть Нижней Силезии.

Человек и водяной встречаются ночью (например, мальчик-табунщик засыпает и, проснувшись после полуночи, не может найти своих лошадей, а затем видит на лугу чужую лошадь, которая оказывается превратившимся в лошадь водяным-*hastrmanom*; человек видит водяного за шитьем обуви при лунном свете и т.д.), но чаще встречи происходят в течение дня.

Как правило, демонические существа появляются в определенных местах в особое время. Однако к водяному это утверждение относится только частично. Как пишет П. Шидак, в народных поверьях указывается точное время появления водяного (в Страстную пятницу, за шесть дней до св. Яна и до праздника св. Петра и Павла, на св. Прокопа, в сентябре и октябре, в полдень, в полночь; а самым жестоким водяной бывает в четвертое воскресенье Великого поста и в День Иоанна Крестителя), но в быличках и легендах конкретное время (день, месяц) называется исключительно редко. Кроме того, водоемы, в которых обитает водяной, могут быть любой величины, вплоть до самых маленьких.

Итак, водяной связан с конкретным пространством и временем, и, согласно П. Шидаку, с профанным пространством-временем (см. [1. S. 35]).

Характеристика водяного

В чешской традиции водяной известен также как *hastrman* (из средневерхне-немецкого *wazerman*, ст.-чеш. *vastrman* – *hastrman*), от которого происходит ряд региональных обозначений водяного (см. [1. S. 44]). Для нас важно, что в Силезии, в ее чешской части (но также и в области Ляшско), его часто называют также *hasrman*, *hastrmák*. В Чехии и в Моравии его также называют личными именами – Иван и Михал⁶, изредка также Куба, однако в нарративах из чешской Силезии водяного именами личными не называют. Только в окрестностях Глучина, где ощущается влияние польской части Силезии, его называют *Rokytka*, *Zeflik* [7. S. 106–123]. Он описывается как урод, чудовище, страшилище, злорадное существо, дьявол, привидение [7. S. 106–123], со ссылкой на [8]. В польской Силезии водяного обычно называют *Jędra*, *Rokita*⁷ или *utopiec*, *utoplek*, *utopek*, *hasterman* [5. S. 75].

Водяной обычно ассоциируется с мужским полом (однако есть и женские существа – жена водяного и его дочери). В Силезии он часто описывается как маленький человечек: *Po chwili podszedł do niego niewielki człowieczek...* (Через минуту подошел к нему небольшой человечек...) – [9. S. 243], с зелеными волосами или бородой, его тело также зеленого цвета: *Viděli neviděli, od potoka krácel k nim malý zelený chlopek v červených holínkách* (Видели-не видели, от ручья к ним шагал маленький зеленый человечек в красных сапогах) – [10. S. 300]). Иногда у него перепонки между пальцами, особенно по рассказам из польской части Силезии: *[Stary Piątek] przyjrzał mu się dobrze, widzi te zrośnięte łapska, jak u żaby abo kaczki...* ([Старый Пёнтек] пригляделся к нему получше, видит, у него сросшиеся лапы, как у жабы или у утки...) – [5. S. 81], по рассказам из чешской части Силезии, у него чаще вместо ног лошадиные копыта: *Synci měli štěstí, že podle těch koňských kopyt hasrmanu poznali ...* (Парням повезло, что по этим конским копытам они узнали водяных...) – [10. S. 305]; *[stará Fešarka] podívala se mu na nohy. Měl koňské kopyto* ([старая Фешарка] посмотрела на его ноги. У него было конское

⁶ Подробнее об этом см., например, [1. S. 44].

⁷ Мы однако можем найти и легенды, где встречается водяной, или не совсем водяной, который является персонажем, задействованным в повествовании вместе со своим сыном по имени «Кубуш», похожим на форму «Куба», встречающуюся в чешской традиции [9. S. 217–219]. В других легендах, записанных Ондрушем, водяного также называют Бартек [9. S. 236–237] или Бернард [9. S. 226–227].

копыто) – [11]). Одет бывает водяной в зеленое платье с полами, с которых капает вода, носит красную шапку или шляпу, иногда на нем красные штаны: *Byli v nejlepším, tu se otevřely dveře, a kdo nevrže do jizby, jak chlopeček v zelených šatech a červených botách* (Все шло хорошо, но вдруг отворилась дверь, и в комнату входит не кто иной, как человечек в зеленом костюме и красных сапогах) – [10. S. 290]; *Měl na sobě [hasrman] vždycky zelené šaty, se šosu mu kapala voda* (На нем [водяном] всегда был зеленый костюм, с полы у него капала вода) – [11]). В рассказах из польской части Силезии часто бывает, что водяной весь одет в красное (сюртук и брюки): *Naroz wylož taki mały cerwony chopeczek, w takim zamtowym ancuzku* (Вдруг вылез такой маленький красный мужичок, в таком бархатном сюртучке) – [5. S. 80]). Изредка его одежда имеет другой цвет, например синий: *A co ten pán s paničkou v modrých šatech a kloboucích? Však už víte. Byli to hasrmani* (А что этот господин с госпожой в синих костюмах и шляпах? Ведь вы уже знаете. Это были водяные) – [10. S. 305]), или же может быть нагим (чаще в тех случаях, когда он превращается в маленького ребенка): *Ale na vrcholku toho nejvyššího topolu jako zlaté jablko sedělo dítě, no syneček. A panenka, ten syneček byl úplně nahý* (Но на верхушке этого самого высокого тополя сидел, как золотое яблочко, ребенок, ну, сынок. И, голубушка, этот ребенок был совершенно голый) – [10. S. 297]). Он также может показаться в виде привидения или духа, но такие случаи единичны (ср. запись Гелены Салиховой: *A najednou – z něčeho nic – před stavením Bestovým stojí zas to bílé strašidlo* (И вдруг, ни с того ни с сего перед Бестовым домом снова появилось это белое привидение) – [11]).

Несмотря на то, что водяной является антропоморфным существом, постоянно присутствуют черты его инаковости, «не-человечности». Одной из таких черт в Силезии часто является пророческая способность водяного – водяной знает судьбу человека: *Musím jít. U vršesinského mlýna máchá děvucha prádlo, chtěj nechtěj musím ji utopit!* (Я должен идти. У вржесинской мельницы девка полощет белье, хочешь-не хочешь, я должен ее утопить) – [10. S. 302]; ... *ešče dněsaj musim byť v Holomucu a utopit Jakehosi Kučeru* (...еще сегодня я должен быть в Оломоуце и утопить какого-то Кучеру) – [11]). Наконец, это, несомненно, его способность превращаться как в людей (охотников, знатных мужчин, детей), так и в животных и в неживые предметы (куклу, мяч, бревно, трубку, часы, чулки или цветную ленту). Очень часто водяной превращался в лошадь. Согласно народным рассказам из Силезии, записанным Геленой Салиховой, зачастую это была белая лошадь, которую можно было приручить единственным способом – набросив ей на голову недоуздок из лыка. Кроме того, водяной мог превращаться в лягушку (в нее часто превращалась его жена), рыбу, корову, телянку, иногда также в козулю, лошадь, кузнечика, ворону, утку, черную собаку, кабана. Единственными существами, в которых он не мог превратиться, как упоминает Салихова, являлся ягненок, который представляет Агнца Божьего, и голубь – символ Святого Духа (*Hasrman se také uměl proměnit v různá zvířata, jak jsem se o tom zmínila. Ale nikdy nevzal na sebe podobu ovečky, která představuje beránka božího nebo holuba, který je obrazem ducha svatého* – [11]). Д. Симонидес отмечает, что водяной обычно превращался в объект желаний человека, отражая его мысли или мечты (*więc stanowił dla nich przedmiot marzeń, był projekcją ich myśli i* [5. S. 76]). Так, например, перед женщиной он мог превратиться в ребенка, цветную булавку или чулок, перед ребенком – в куклу или мячик, перед мужчиной – в трубку или в телянку. Кроме того, как добавляет П. Шидак, водяной способен быстро менять свою форму.

Однако водяного можно чувствовать, но не видеть. В таком случае он может появляться в виде ветра или тени, ощущаемой тяжести или слышимого

голоса, может оставлять следы, издавать странные звуки и т.д.: *A jak tak seděli / otec strýčka Jaskuly z Těžkovic/, začalo to v potoku škrabať a škrabalo a škrabalo, že se zdalo, že je celý potok vydřeny. [...] Jako dyby železnyma hrabkoma po kameňu hrabal, tak to vypadalo»* (И как сидел эдак отец дядюшки Яскулы из Тежковиц, начало что-то в реке скрестись, и скреблось, и скреблось, казалось, будто весь ручей выскребли. [...] Похоже было на то, как будто железными граблями по камню гребло) – [11]).

Одной из особенностей водяного является его семейный образ жизни. В то время как другие мифические существа живут в одиночестве или в группах, как дикие звери (например водные панны), у водяного бывает семья: жена (имеется в виду *hasrmanka* – иногда она, согласно чешской традиции, изображается как дева с рыбьим хвостом, иногда ее называют Сара), которая любит превращаться в лягушку и в этом виде появляется перед людьми, она также может изменять своему мужу с другими водяными. Дети водяного – в Силезии часто дочери – отличаются необыкновенной красотой и способностью хорошо танцевать.

С семейной жизнью водяного связан мотив крещения его ребенка. П. Шидак подчеркивает, что отношение мифологических существ, в том числе и водяного, к христианству бывает отрицательным, но в то же время водяной, как и некоторые другие мифологические персонажи, ищет крещения и спасения. В быличках (включая силезские) жена водяного часто появляется в виде жабы, которая просит случайного прохожего стать крестным ее ребенка⁸.

Силезский водяной обитает в водоемах разной величины, то есть в реках, канавах, ручьях и прудах [5. S. 76], например, он является хозяином небольшого лесного озера: *Jedenrazy sem šla do tych lesuv nad panskym mlynem. [...]. Idu přes mostek a pravim se, že se v Setině leknicu kole spodku vymašu a kuřatka umyju. Vody bylo enem malutko v potoku. Udělala sem v pisku dulek a do něho dala huby a machala. Naraz se přihrně voda a začala mi všechno brať ...* (Однажды я шла в этот лес за господской мельницей [...]. Иду через мостик и говорю себе, что в Сетине подол юбки выполощу и лисички помою. Воды в ручье было совсем мало. Я сделала в песке ямку, положила туда грибы и полоскала. Вдруг прибыла вода и начала у меня все уносить) – [11], или лужи: *Za jakýsi čas jel pacholek se mlivem a hasrman mu zastavil koně a v takej malej kalužce ho utopil, enem ležka vody v ni byla* (Через некоторое время ехал работник с помолотой мукой, а водяной остановил его коней и в такой маленькой лужице его утопил, что только ложка воды в ней и была) – [11]. П. Шидак упоминает, что жилище водяного обычно описывают как хрустальный замок или дворец: *Poznaly, že jsou v hasrmanově zámku. [...]. Stěny, schody a sloupy, všechno bylo z toho nejčirějšího křišťálu, střechy ze zlata, podlahy ze stříbra, všude tolik diamantů a drahého kamení, že děvuchám šly nad tím oči jako na kolotoči* (Они поняли, что они в замке водяного [...]. Стены, лестница и столбы, все было из самого чистого хрустала, крыша из золота, полы из серебра, всюду столько бриллиантов и дорогих камней, что у девушек глаза разбегались) – [10. S. 274]. У водяного обычно есть полка или шкаф с кружечками, прикрытыми крышками, в которых он прячет человеческие души: *Na ścianie ostatniego pokoju wisiały drewniane półki, na których znajdowało się dwanaście porcelanowych garnuszków. Stały one na spodeczkach, odwrócone dnem do góry* (На стене последней комнаты висели деревянные полки, на которых

⁸ В связи с темой семьи водяного Шидак также обращает внимание на историю о водяном, который обменивает человеческого ребенка на подкинутого, т.е. на маленького гастрмана, о чем упоминал Ч. Зибрт [12]. Этот мотив также можно найти в Силезии, см. [9. S. 233–234].

стояло 12 фарфоровых кружек. Они стояли на блюдах, перевернутые вверх дном) — [9. S. 218].

Функции и действия водяного, типичные для Силезии

Деятельность водяного, отраженная в чешской народной традиции, характеризуется большим разнообразием⁹. Однако многие из функций и видов деятельности, известных по чешской традиции, известны также в Польше (т.е. в регионе Верхней Силезии).

Д. Симонидес обращает внимание на несколько быличек о водяном, распространенных в Силезии (особенно в ее польской части), многие из которых известны и в ее чешской части. Один из рассказов повествует о том, как водяной шил обувь при лунном свете¹⁰. Второй нарратив повествует о водяном, переезжающем со всей семьей в другой водоем. В таких рассказах он просит о помощи человека и просит никому не говорить о том, что он видел у водяного во время переезда. Еще одна история рассказывает о водяном, который сушит белье на солнце, а иногда вместо одежды сушит деньги. В этих повествованиях появляются чужаки, которые хотят подшутить над водяным и крадут у него белье или деньги. В другом рассказе речь идет о человеке, который отводит пасущуюся лошадь к себе домой. После того как жена этого крестьянина дает ей воды, она превращается в водяного и убегает. Один из частотных мотивов повествует о работниках, которые поймали большую рыбу и бросили ее в мешок. По дороге домой из мешка раздается голос; от страха они бросают мешок и убегают¹¹. Еще одна известная история — о *гастрмане*, который ходил к мяснику и показывал пальцем на куски мяса, которые он хотел купить (иногда дотрагивался пальцем до мяса, а люди впоследствии не хотели покупать такое мясо). Мясник из-за этого нервничал, и в конце концов отрезал водяному палец. За это водяной отомстил: утопил мясника или его семью. Часто встречается в Силезии повествование о том, как гастрман навещал (обычно по вечерам) мельника

⁹ В Силезии водяной чаще всего топит людей, раскладывает ленточки, при помощи которых заманивает людей в воду, держит души утопленников в кружках, шьет обувь при лунном свете и разговаривает с луной, переезжает к другому пруду или реке со всей семьей, курит трубку, пугает животных, превращается в людей и животных, предсказывает будущее, дразнит людей, издевается над ними, брызгает водой на человека, переходящего через реку, заставляет прохожего играть в разные игры или танцевать, наказывает его и мстит ему, покупает товар у мясника, посещает ярмарку и продает вещи, превращается в лошадь и разрешает людям поймать себя или продать, помогает мельникам заботиться о мельнице, посещает крестьянина, соседа, играет в карты, танцует, ходит в пивную, в гости или на свадьбу к людям (по приглашению), помогает людям в работе, просит их стать крестными, помогает влюбленным. На месте, где он сидит, образуется лужа воды. Он сопровождает людей на их пути, а часто его при этом не видно. Его выдает только ржание лошади, плеск воды, когда он посещает мельницу (его изгоняют оттуда прохожий или обезьяна [1. S. 50–52]).

¹⁰ Д. Симонидес, однако, указывает на то, что этот сюжет известен также и в других регионах Польши, особенно в районе Кракова, который граничит с Силезией [5. S. 78]. Также в чешской части Силезии эта история очень популярна (см., например, материалы Г. Салиховой).

¹¹ Подобный тип повествования появляется в материалах Г. Салиховой. Работник (или служанка) несет пойманную рыбу в мешке через плечо, который стал по дороге настолько тяжелым, что он бросает его на землю. В этот момент рыба превращается в водяного, который смеется над работником (служанкой), а затем убегает: *Jednou šli Piusův tatík [...] pod Zahumení na rybu. Chytali je do míška. Jak měli plný, vzali jej na ramena a šli domů. Jak přicházeli k Hůře na selské role, tu kdosi na lukách volá: «Kaj si, Nykličku?».* *Chlopovi se na hřbetě ozve: «Hevaj, v pyličku».* *Stryk Pius praštili míškem o zem a naráz ho měli prázdny. Ryby se ztratily a hasrman, co tam vlezl, též* (Однажды шел Пиусов папаша [...] под Загуменье ловить рыбу. Складывал рыбу в мешок. Когда мешок был полный, он взял его на плечо и пошел домой. Когда подходил к Гурже, к сельским полям, кто-то позвал: «Где ты, Никличек?». У мужика на спине отозвалось: «Вона где, в мешочке». Дядюшка Пиус как грохнет мешком о землю, и сразу мешок оказался пустым. Рыба пропала, и водяной, который туда влез, тоже) — [11].

или работающих в поле людей. Если люди хорошо с ним обходились, позволяли ему посидеть, предлагали что-нибудь поесть или покурить трубку, водяной не причинял им вреда [5. S. 79], также Salichová [11]: *Roby se ho (hasrmana) nebály, protože věděly, jak s ním mají mluvit, aby jim neuškodil. Když svačily chléb s máslem a sýrem [...], ukrojily [hasrmanovi] chleba a pomazaly máslem* (Бабы его (водяного) не боялись, потому что знали, как с ним говорить, чтобы он не навредил. Когда ели хлеб с маслом и сыром [...], то отрезали [водяному] кусок и мазали маслом).

Сохранились многочисленные рассказы, свидетельствующие о том, что водяной, в принципе, жил обычной жизнью члена силезского коллектива и вел себя как типичные его представители. Например, в доме он садился за стол, просушивал постельное белье, свозил сено и помогал косить траву, просил быть кумом при крещении ребенка, курил с отдыхающими крестьянами трубку, играл в кости или карты и т.п.: ... *s lidmi v pivováře byl (hasrman) jedna ruka. Na pivo jsou hasrmani celí diví. Když mu dali nějaký ten džbáněk, pomáhal jim, robil, Jura nic* (... с людьми в пивоварне (водяной) был как свой. За пивом гасрманы аж трясутся. Если ему давали какой-нибудь там кувшинчик пива, он помогал им, работал, Юро ничего...) – [10. S. 293]; ... *k ním dycky do mlyna chodil hasrman a nosil jim mlivo, ty zanašky na vrch [...]* *Dycky chtěl po staříčkovi do fajfky tabaku a tak mu ho museli dat', by jim neuškodil* (... к ним на мельницу всегда ходил гасрман и носил помолотую муку, эти мешки наверх [...]) И всегда просил у старика табаку в трубку, и ему должны были это дать, чтобы он им не навредил) – [11]. Тем не менее, люди боялись его, и почти во всех повествованиях встречаются советы о том, как защитить себя от водяного, как бороться с ним или избавиться от него. Он терял власть, если кто-то начинал молиться или у него был один из христианских символов, а также если человек хлестнет его или свяжет лыком липового дерева, ударит его левой рукой, выстрелит в него из рогатки пуговицами от свадебного платя, или предложит ему дважды испеченный хлеб.

Затем Д. Симонидес обращает внимание на то, что с водяным люди часто встречались в состоянии алкогольного опьянения, а это объясняется тем, что именно состояние опьянения помогает людям воспринимать явления или персонажей, которые обычно скрываются в человеческом подсознании: ... *Stary Piątek to szli roz z hospody, a flanka piwa to se jeszcze na droga wzieni, co by im sie lepiej szło. No i jak są na moście, to naroz zatrzymuje ich taki mały chłopczyk i patrzy na nich... [Stary Piątek] przyjrzał mu sie dobrze, widzi te zrosnięte łapska, jak u żaby abo kaczk, widzi, jak z łokcia woda cieknie, i zaroz zrozumiał, że tu trzeba sie mieć na straży, bo to utopek* (... Старый Пёнтек шел раз из трактира, и еще пива с собой на дорогу взял, чтобы лучше шлось. Ну, и когда был на мосту, вдруг останавливает его такой маленький человечек и смотрит на него... [Старый Пёнтек] присмотрелся к нему получше, видит такие сросшиеся лапы, как у жабы или утки, видит, как с локтя течет вода, и сразу понимает, что надо быть начеку, потому что это водяной) – [5. S. 80–81].

Характер водяного

Определить характер водяного сложно. Его изображают то как злое существо, то как доброе (даже идиллическое), или даже стоящее вне системы этической оценки. В некоторых нарративах он также может одновременно исполнять несколько ролей, т.е. может, например, затянуть жертву в воду (т.е. навредить), но может и делать добро. Первоначальная оценка водяного – отрицательная. П. Шидак пишет, что водяной еще играет особую этическую роль, а именно роль исполнителя судьбы (он знает, где кто должен утонуть и имеет право топить людей). По словам Шидака, новая народная традиция изображает водяного и как

положительного персонажа, полезного людям. Водяной помогает рыбакам и мельникам, а в Силезии часто также крестьянам или служанкам при работе в поле и на лугу, любит общаться с людьми, в некоторых случаях может помочь влюбленным (ср. легенду Лазецкого «Как гастрман справился с владельцем замка» — см. [10. S. 292–296]), или дать человеку деньги в долг, предупреждать о наводнении или благодаря своей способности прогнозировать погоду давать советы людям, когда им начинать сев, и т.д. [1. S. 64]. Из этой амбивалентности — добро — зло — вытекает еще одна специфическая черта водяного — большое количество его функций. По словам В. Я. Проппа, персонаж определяется своей функцией в повествовании, что относится не только к персонажу одного рассказа или произведения, а также и к персонажу интертекстуальному, появляющемуся в разных повествованиях [13. S. 72–75]. Однако в этом случае водяной, как вытекает из вышесказанного, является с функциональной точки зрения (но также визуальной — см. выше информацию о его трансформациях) персонажем, суть которого невозможно понять. Водяной (подобно другим мифологическим существам, воспринимаемым с христианской точки зрения как дьявольские) избегает церковных реалий: он может быть изгнан с помощью святой воды, именем Бога (среди прочего, водяной не здоровается, благодарит остальных не как христианин, а с позиции хозяина: *Nepravil zaplat' pánbůh po křesťansky, ale po panský: «Děkuji.»* (Не говорил: «Бог тебе воздай!» по-христиански, а по-пански: «Спасибо») — [10. S. 289], его можно прогнать молитвой; он не может причинить вред человеку, имеющему четки, ладанку или освященный мел, его можно победить с помощью «пальмы», т.е. вербной ветки (освящаемой в Вербное воскресенье), которая является символом христианских мучеников. Водяной не появляется у церкви, в некоторых случаях он не переносит знак креста: *Když měli synci ohníček, přes nějž kladli dřívka křížem, hasrman jim narovnával dřívka narovno, protože kříž nemohl vidět* (Когда парни в ночном разводили костер, клали дерево накрест, а гасрман им перекладывал дрова ровно, потому что не выносил знак креста) — [11].

Образ водяного в фольклоре и литературе

Водяной — это персонаж, характерный для так называемых фактических жанров (*fabulae credibilis*, т.е. правдоподобные жанры), к которым относятся и легендарные повествования. Из этого факта вытекает одна из особенностей водяного, а именно его правдоподобность — люди действительно верили в его существование, что подтверждается в повествованиях, с одной стороны, указанием на конкретное место и время, когда человек и водяной встречались: *O žních nebylo o hasrmanech slyšet. Za to ještě více řádili na přechodu léta k podzimu, kdy na lukách pásli pasáci dobytek* (Во время жатвы о гасрманах не было слышно. Зато они тем больше бесчинствовали при наступлении осени, когда на лугах пастухи пасли скот) — [11]; *V Lagnově u Klimkovic chodil často hasrman do mlýna* (В Лангове у Климовиц гасрман часто ходил на мельницу) — [11], а с другой — свидетельством конкретных людей о том, что они действительно видели водяного: *Stryku Bzonkovi, kteří měli gvelb v Kyjovicích pochybělo jedenkrátě soli. Museli pro ni až do Opavy [...] když přišli do raduňské Hůrky, potkali tam kyjovského hasrmana z Mostisk* (Дядюшке Бзонку, у которого был магазинчик в Киёвцах, однажды не хватило соли. Он должен был ехать за нею аж в Опаву [...] когда он приехал к радуньской Гурке, встретил там киёвского гасрмана из Мостиск) — [11].

Водяной в фольклорных жанрах, т.е. легендах, сказках или суеверных рассказах, обычно недружелюбен по отношению к человеку: *...musím vám povědět, že hasrman by nebyl hasrmanem, kdyby neuváděl též kousky zlé* (...должен вам сказать, что гасрман не был бы гасрманом, если бы он не делал зла) — [11], однако

он свободен от демонического образа стихии воды и приобретает явные антропологические черты и вступает в контакт с человеком. Говорят, что водяные (*hastrmani*) из Силезии были хорошими танцорами и любили ходить на танцевальные вечеринки. Там они ухаживали за самыми красивыми девушками, которых затем заманивали к пруду и топили. В «*Věstníku Matice opavské*» за 1924 г. Томаш Чеп в своей статье «Народные силезские рассказы о гастрманах и фейерманах» говорит о том, что от общения с людьми существовала опасность и для водяного: его красивые дочери влюблялись в деревенских парней, ходили на танцы, но не могли там задержаться дольше, чем до часу ночи. Если они нарушали это правило, отец *гастрман* бил их и сажал под домашний арест под камнями на дне его водного царства.

В региональной литературе чешской Силезии и северо-восточной Моравии литературовед Сватава Урбанова прослеживает связь между подлинной реальной жизнью (реальной фикцией), сказочно-легендарными подходами (мифической фикцией) и топосом реки, которые образуют органическое целое, благодаря чему становится возможным балладное звучание рассказанных историй [14. S. 61–76]. Рассказы с участием *гастрмана* часто встречаются в произведениях Людмилы Горжкой. Книга «Река» (*Řeka*, 1946) состоит из историй, связанных с возвращением автора в мир детства, прошедшего в г. Крварже и его окрестностях, с судьбами людей, с которыми она была знакома. Рассказ о *гастрманах* начинается с того, как они переехали в регион Крваржско и какие трагические события им пришлось пережить. Тема *гастрмана* у Горжкой встречается в балладе «Гастрманка» (*Hastrmanka*, 1930), в балладе «Возле ручья» (*U potoka*, 1933), продолжается рассказом о Беятке в «Реке» (1946), в балладе «Беньяминек» (*Bejňamínek*, 1948) и достигает кульминации в повести «Беятка» (1959). Водяной изображается преимущественно как специфический персонаж, который, хотя и живет рядом с человеком и общается с ним, кажется таинственным. Человек никогда не знает, чего от него можно ожидать (навредит ли он ему или, наоборот, поможет, а в некоторых случаях также остается загадкой жилище водяного и его семья). В балладе «Беятка» мы находим параллели с балладой «Гастрманка». В последней мать не дает сыну познакомиться с дочерью водяного. Он не слушается ее и погибает в плену у водяного. Людмила Горжка была самоучкой. Одной из многих прочитанных ею книг был «Букет» (*Kytice*) К.Я. Эрбена. Представляется, что она писала свои рассказы не только под влиянием контакта с природой и на основе местной традиции, но и под влияние баллад Эрбена, а также под влиянием суровой жизни с многочисленными балладными акцентами.

В литературных произведениях, предназначенных для детей и юношества, акцент на опасности водяного для человека не делается. Лишь изредка упоминается о том, что он способен утопить человека. Если водяной тащит человека под воду, он делает это не ради его гибели, а потому, например, что хочет иметь жену или ему нужна домохозяйка и т.п. Водяной топил человека только тогда, когда хочет отомстить (например, за то, что тот выдал секрет и т.п.), о предопределении водяного топить людей упоминается редко (ср. у Лазецкого в рассказе «Водяной и табунщики» (*Hastrman a pašácsi koní*, [10. S. 299–302])). Человека водяной пугает, подшучивает над ним, однако гораздо чаще помогает ему в работе, дружит с ним, помогает влюбленным и т.п.). Я считаю, что такое изображение водяного обусловлено реципиентами текстов детской литературы, т.е. юными читателями. Уже Сироватка указывал на то, что авторы при литературной обработке народных сказок или легенд выбирают из всего известного фольклорного фонда подходящие сюжеты и иногда опускают те, в которых имеются явные элементы брутальности, непристойности, суеверности или религиозности.

Они предпочитают такой материал, с помощью которого можно выразить свои намерения, соответствующие их личным требованиям и требованиям времени [15. S. 99–100]. В зависимости от этого в литературных обработках разных авторов могут возникать разные представления о водяном, например, Салихова и Лазецкий одинаково описывают его внешность, а из их «литературных преобразований» вытекает, что это не исключительно отрицательный персонаж. Салихова описывает его, скорее, как веселого, иногда злорадного мужичка, который любит подшучивать над людьми, тогда как Лазецким он представлен как тот, кто находится в хороших отношениях с человеком и помогает ему.

Заключение

Основываясь на сравнении восприятия водяного в чешской и польской традициях, можно констатировать, что чешский водяной имеет ряд схожих черт с его «коллегой», известным в Польше, особенно в районе, прилегающем к границе с Чешской Республикой, т.е. в регионе Силезии. Здесь их различия незначительны. Они касаются имени водяного – за исключением района около г. Глучин, водяного у чехов не называют собственными именами; напротив, в польской традиции он часто имеет собственное имя. Он может быть одет по-разному (в чешской части Силезии это костюм зеленого цвета, красные туфли и головной убор, а в польской части он в некоторых случаях ходит весь в красном). Принципиальное различие заключается в вопросе: «Кто (или что) является водяным?» В то время как чешский водяной понимается как демон стихии, его польский «коллега» представляет собой души утопленников или самоубийц.

Водяной в народных представлениях прежде всего известен как злорадный персонаж, который лишает людей жизни. Однако в литературных произведениях для детей и юношества авторы опускают эту функцию водяного и чаще следуют, очевидно, более новой традиции, где водяной описывается как персонаж, который может помогать людям и быть с ними в хороших отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Šidák P. Mokře chodí v suše. Vodník v české literatuře. Praha, 2018.
2. Váňa Z. Svět slovanských bohů a démonů. Praha, 1990.
3. Kropelj M. Supernatural beings from Slovenian myth and folktales. Ljubljana, 2012.
4. Słownik folkloru polskiego. Warszawa, 1965.
5. Simonides D. Śląski horror: o diabłach, skarbnikach, utopcach i innych strachach. Katowice, 1984.
6. Klímová D. Vodník v českém lidovém podání: Aktuální problémy jeho historického studia // Český lid. 1972. Roč. 59. Č. 3.
7. Šebestová I. Reflexe polského slovesného folkloru v ústní lidové slovesnosti Hlučínska // Śladami Polaków na czeskim/austriackim Śląsku. Częstochowa, 2016.
8. Janosch H. Unsere Hultschiner Heimat in Sagen und Märchen, Sitten und Gebräuchen. Город? 1924.
9. Ondrusz J. Cudowny chleb: podania, baśnie i opowieści cieszyńskie. Warszawa, 1984.
10. Lazecký F. Dukátová stařenka. Ostrava, 1983.
11. Salichová – рукописное наследие Гелены Салиховой. Коды папок: U3069 AP, U3092 AP / 1–5, U3096 AP / Силезский краеведческий музей, художественно-исторический отдел.
12. Pokusy o přirozený výklad pověr československých na sklonku XVIII. a na začátku XIX. věku, In: Český lid, 1902.
13. Propp V.J. Morfologie pohádky a jiné studie / Přel. Miroslav Červenka. Praha; Jinočany, 2008.
14. Urbanová S. Współczesne czasu i miejsc. Poznań, 2016.
15. Sirovátko O. Česká pohádka a pověst v lidové tradici a dětské literatuře. Brno, 1998.